

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1958**

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

ТОМ XVI

ПИСЬМА

1881 — 1886

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1953**

Редактор тома А. И. Ревякин

Подготовка текста и комментарии: М. Д. Беляева,
М. Г. Ватолиной, Н. С. Гродской, С. Н. Дурылина,
Л. Р. Когана, А. Н. Михайловой, К. Д. Муратовой,
А. И. Ревякина, А. Э. Фриденберга, И. Р. Эйгеса.

ПИСЬМА

Ф. А. БУРДИНУ

4 января 1881 г. *Москва.*

Любезнейший друг Федор Алексеевич, я и Марья Васильевна поздравляем тебя и Анну Дмитриевну с Новым годом. Я, по приезде из Петербурга, опять хвораю и все праздники просидел дома. Сделай милость, ответь поскорее, пропущена ли Комитетом и цензурой пьеса «Семейство Авериных», и, если пропущена, потрудись распорядиться, чтобы она была выслана через контору на имя Надежды Алексеевны Никулиной.

По случаю болезни Майкова комитета у нас еще не было; но будет на-днях. Когда же будет бенефис Горбунова? Я не имею никаких сведений.

Любящий тебя *А. Островский.*

Ф. А. БУРДИНУ

Москва, 8 января 1881 г.

Любезнейший друг Федор Алексеевич, сегодня у нас назначен комитет и ревизия сумм за декабрь; значит, сегодня же и решится вопрос, имеем ли мы возможность выслать тебе авансом 200 руб. Завтра тебя уведомлю. Только из газет я узнал, что 9-го числа идет у вас «Блажь»; никто

мне ни слова; как идут репетиции, как распределены роли, я ничего не знаю. Сделай милость, уведоь меня немедленно и со всею откровенностью, как пройдет пьеса.

Поклонись от меня и жены Анне Дмитриевне.

Любящий тебя *А. Островский*.

Морозы у нас лютые; а сегодня надо ехать в комитет, не знаю, что со мной будет. До сих пор я не выезжал.

754

Ф. А. БУРДИНУ

13 января 1881 г. Москва.

Любезнейший друг Федор Алексеевич, я не писал тебе на другой день после комитета потому, что Майков обещал сейчас же выслать деньги; я думаю, что ты их уже и получил. Вчера на университетском обеде я виделся с Николаем Саввичем; он спрашивал о тебе, о твоём здоровье и прочее. Я ему напомнил о твоём письме; на это он мне сказал, что ты и сам должен понимать, что на это письмо он отвечать не мог. То же и я говорил тебе. Он имеет вид здоровый и веселый, хотя дела в Университете и не очень хороши. Об этом я тебе напишу, когда переговорю со студентами, которые теперь возвращаются в Москву.

Я получил от режиссера Федорова письмо о назначении дублеров для пьесы «Блажь». Я отвечаю ему; но, не зная его имени, я посылаю письмо через тебя; прошу тебя вписать имя и отчество, вложить письмо в конверт и доставить ему. Относительно «Невольниц» похлопочи, чтобы эта пьеса была поставлена в казенный спектакль для открытия театров на 2-й неделе поста. Роль Коблова во всяком случае остается за тобой, как ты сам того желал. Сделай милость, похлопочи о скорейшей выдаче мне поспектакльных денег за прошлый год.

Поклонись от меня и жены Анне Дмитриевне.

Любящий тебя *А. Островский*.

Уведоь меня, как идут репетиции «Блажи» и есть ли надежда на успех.

Н. Я. СОЛОВЬЕВУ

Москва, 23 января 1881 г.

Многоуважаемый Николай Яковлевич, и здесь я с трудом получил Ваши деньги; вчера доставлено мне, по ассигновке 16-го января № 45, 104 руб. 64 коп.

Здоровье мое плохо; никак нельзя выехать из дома, дней пять тому назад выехал и получил жабу. Состояние духа отвратительное, да не может быть иначе, в два дня умерли четверо моих знакомых: Писемский, профессор Лешков, Ф. Б. Миллер и Исаков — наш лучший декоратор.

Если увидите Суворина, скажите, что я скоро стану высылать ему интермедии и «Хромого беса». Поклонитесь ему от меня. Нельзя ли получить сколько-нибудь экземпляров наших сочинений? Если можно, то попросите Суворина написать в московскую книжную лавку, чтоб мне выдали. Надо подарить артистам.

Искренно преданный Вам *А. Островский.*

Ф. А. БУРДИНУ

29 января 1881 г. Москва.

Любезнейший друг

Федор Алексеевич,

Очень рад, что ты поправляешься. Благодарю тебя за хлопоты о деньгах моих; сделай милость, доведи это дело до конца.

Что «Блажь» у вас имеет мало успеха, это меня не очень печалит; где наше не пропадало! Зато она в Москве идет раз от разу лучше и делает полные сборы. Я очень занят и нездоров; простудился на похоронах Писемского: долго стоял на кладбище без шапки, а день был морозный.

Поклонись от меня и жены Анне Дмитриевне и поцелуй милую Танечку за ее письмо ко мне.

Любящий тебя *А. Островский.*

Н. Я. СОЛОВЬЕВУ

31 января 1881 г. *Москва.*

Многоуважаемый Николай Яковлевич,

Литографированных экземпляров «Светит, да не греет» у меня нет. Я писал Рассохину, чтобы он Вам выслал, но, если он этого не сделал, значит, что и у него нет или осталось очень немного и он их бережет. Лучше всего Вам попросить несколько экземпляров в редакции «Огонька» (когда они будут печатать пьесу), — уж и для меня тоже потрудитесь.

Им это ничего не стоит. А у Рассохина я справлюсь. Я простудился на похоронах Писемского и опять кашляю.

Искренно преданный Вам *А. Островский.*

И. М. КОНДРАТЬЕВУ

5 февраля 1881 г. *Москва.*

Многоуважаемый Иван Максимович,

Артемьеву надо отвечать покруче, он очень умничает; я ответ составляю. Конечно, не мешало бы поблагодарить Крылова за такую рекомендацию, но приглашать его мне неловко. Не потрудитесь ли Вы написать ему, чтоб он побывал у меня завтра или послезавтра пораньше утром. Сегодня часа в 2 я заеду к Вам в канцелярию.

Искренно Вам преданный *А. Островский.*

И. М. КОНДРАТЬЕВУ

9 февраля 1881 г. *Москва.*

Многоуважаемый Иван Максимович.

Есть дело тонкое и деликатное, его вам объяснит Петр Михайлович Невежин. Сделайте одолжение, не откажите в своем участии и совете, чем много обяжете меня.

Искренно преданный Вам *А. Островский.*

Ф. А. БУРДИНУ

10 февраля 1881 г. *Москва.*

Любезнейший друг Федор Алексеевич, сделай милость, уведошь меня, увенчалось ли успехом твое ходатайство о выдаче мне проспекта в феврале. Если придется ждать до марта, то я буду поставлен в очень затруднительное положение. Ты мне не ответил ничего насчет «Невольниц»; будут их ставить или нет? Как прошел бенефис Савиной? Что такое «Благодетель»? Не знаешь ли ты чего о распоряжении отправить петербургских артистов на Московскую выставку и с какой целью это делается?

Я занят работой до одурения.

Поклонись от меня и жены Анне Дмитриевне.

Любящий тебя *А. Островский.*

Какое впечатление произвело у вас дело о концерте Безекирского?

И. М. КОНДРАТЬЕВУ

20—22 февраля 1881 г. *Москва.*

Многоуважаемый Иван Максимович,

Проект письма я рассмотрел; я думаю, что подчеркнутое слово «вопиющих» надо заменить другим или совсем выкинуть. Сделайте одолжение, пришлите мне копию с нашего прошения о дозволении театра на выставке; мне она нужна: ее нужно поместить в докладе хоть в извлечении.

Искренно преданный Вам *А. Островский.*

Ф. А. БУРДИНУ

Москва, 26 февраля 1881 г.

Любезнейший друг Федор Алексеевич, благодарю тебя за хлопоты, деньги я получил, только не все; в кассе удержали за что-то 88 руб. 63 к., в чем и выдана квитанция. Я ее

прилагаю. Сделай милость, узнай, за что сделан этот вычет; ты сделай это, когда найдешь удобный случай, — дело не к спеху. Да что же мои «Невольницы»? ответь, пожалуйста. В газетах опять есть слух об отпуске Адлерберга за границу на 11 месяцев: подтверждается ли это?

Поклонись от меня и жены Анне Дмитриевне.

Любящий тебя *А. Островский.*

763

Ф. А. БУРДИНУ

Москва, 9 марта 1881 г.

Любезнейший друг Федор Алексеевич,

Сделай милость, похлопочи в Театральной конторе о моих перспективных деньгах с 1-го января 1881 г. Вероятно, затруднения не будет, а мне деньги крайне нужны.

Поклонись от меня и жены Анне Дмитриевне.

Любящий тебя *А. Островский.*

764

Ф. А. БУРДИНУ

22 марта 1881 г. *Москва.*

Любезнейший друг Федор Алексеевич, 20-го числа, на панихиде, в Университете, я видел Николая Саввича и получил от него сведения о тебе и твоём здоровье. Сделай одолжение, скажи ты мне, читаете ли вы протоколы вашего предварительного собрания драматических писателей, которые вы подписываете сверху, т. е. вопреки всяких правил, прежде их составления? Я могу предположить только, что ты не читал протокола, в котором находятся глупые разговоры и замечания комитету, на которые вы, прежде рассмотрения отчета и доклада ревизионною комиссией, не имели права и которые произвели всеобщий смех в общем собрании. Если же ты читал протокол и подписывал сознательно, то благодарю — это истинно по-приятельски.

Поклонись от меня, жены Анне Дмитриевне.

Любящий тебя *А. Островский.*

Н. Я. СОЛОВЬЕВУ

Москва, 22 марта 1881 г.

Многоуважаемый Николай Яковлевич,

Читали ли Вы протокол предварительного собрания петербургских членов Общества русских драматических писателей (о котором Вы пишете, что оно прошло *замечательно единогласно*)?

Протокол этот подписан членами сверху, т. е. прежде его составления (вопреки всяким правилам). Я думаю, что Вы его не читали. В этом протоколе, без всякого права и в совершенное нарушение 23, 24 и 25 статей устава, прежде заключения ревизионной комиссии и объяснений комитета, выражены замечания и выговоры комитету *замечательно единогласно*. Замечания и выговоры эти до того нелепы, что произвели смех в общем собрании. По поводу Вашей подписи я принужден был выслушать несколько неприятных слов от прочих членов комитета. Я полагаю, что Вы протокола не читали.

Искренно Вам преданный А. Островский.

Сделайте одолжение, дня через два или три зайдите к Салтыкову и получите небольшую рукопись, которую покорно прошу доставить мне.

Ф. А. БУРДИНУ

Москва, 1-го апреля 1881 г.

Любезнейший друг Федор Алексеевич, что мои деньги? Когда я их получу? Я в крайности. На собрание ты лучше не ходи, а пришли мне письмо, что ты «поручаешь мне и уполномочиваешь меня подавать за тебя голос по всем вопросам на будущем 2-м очередном общем собрании сего года». О бывшем вашем и нашем общем собрании я напишу тебе через несколько дней подробно.

Поклонись от меня и жены Анне Дмитриевне.

Любящий тебя А. Островский.

Н. Я. СОЛОВЬЕВУ

Москва, 1 апреля 1881 г.

Многоуважаемый Николай Яковлевич.

Вы пишете, что Вы один не составляете большинства, но представьте себе, что в Петербурге собралось членов 24, а в Москве (как это обыкновенно бывает) 23. Если б Вы выразили мнение, что порицание комитету в неправильном ведении дел и в *чрезмерном увеличении* расходов на дело-производство считаете на основании 25 статьи устава преждевременным, то с Вашим голосом в общем собрании было бы 24 против 23 голосов петербургских членов, т. е. большинство. Хорошо, что нынче собралось на общее собрание довольно много членов (что произошло случайно, оттого что артисты свободны); а если б этого не случилось, то порицание комитету, как выраженное большинством, мы бы обязаны были внести в протокол, а протоколы общих собраний мы обязаны печатать.

Таким образом порицание Общества комитету пошло бы по всем газетам, и наше честное служение Обществу кончилось бы позором. Я написал Вам, что неприятные замечания по поводу Вашей подписи я должен был выслушать в общем собрании, это было в комитете и было вот как: Майков доложил, что Вы просите не вычитать Вашего долга и оставить его Вам в ссуду, я поддерживал Ваше прошение, тогда Майков сказал, что ссуда при моем ходатайстве, конечно, будет сделана, но что вообще желательно, чтобы лица, рекомендованные мною, отдавали комитету справедливость и не выражали казначею и комитету незаслуженных и незаконных порицаний. Вы пишете, что, во избежание неприятностей, лучше Вам не посещать собраний; если Вы считаете мои разъяснения устава о неправильности действий петербургских членов неприятностью для себя, а не для меня, то это можно сделать проще, — я не стану никогда и ничего писать Вам по этому поводу. Да я иначе и поступить не могу, так как Вы в последнем письме пишете: «Я решительно не нахожу и до сих пор (т. е. после моих разъяснений) ничего

такого, что вынудило бы меня остаться при особом мнении», т. е., несмотря на все мои доказательства и разъяснения, Вы желали оставить за собой свободу порицания комитета.

Искренно Вам преданный *А. Островский*.

768

Н. Я. СОЛОВЬЕВУ

8 мая 1881 г. *Москва*.

Многоуважаемый Николай Яковлевич,

Рукопись Невежина я получил, благодарю Вас за хлопоты. Не писал я оттого, что было некогда и не до того: от разных хлопот и огорчений я уж давно потерял голову. Мария Васильевна захворала с первой недели поста и больна до сих пор, болезнь ее сопровождается такими нервными припадками, что каждый раз боишься за жизнь ее. Каково мне, при расстроенном здоровье, переносить такие впечатления. Кроме того, усиленная работа, чтоб наверстать убытки по театру, изнуряет меня. Приостановка спектаклей расстроила мои денежные расчеты, и я не знаю, как выбраться из этого положения. А теперь сборы в деревню со всей семьей уж совсем сбили меня с ног. Мы уезжаем через два дня.

Искренно Вам преданный *А. Островский*.

769

И. М. КОНДРАТЬЕВУ

19 мая 1881 г. *Щелыково*.

Многоуважаемый Иван Максимович,

Мне переслали из московской квартиры повестку 2-го отделения почтамта; вероятно, прислан паспорт кому-нибудь из прислуги. Что я буду делать с этой повесткой? Я сделал на ней надпись и посылаю к Вам; если возможно, то напишите доверие и поручите получить кому-нибудь и перешлите мне; надо будет и мою руку засвидетельствовать.

Если же нельзя, то научите, что делать.

У нас после отличной теплой погоды наступили холода; что-то в Москве? Если будут какие интересные новости, то, сделайте одолжение, уведомляйте.

Искренно Вам преданный *А. Островский*.

770

Ф. А. БУРДИНУ

Щелыково, 23 мая 1881 г.

Любезнейший друг Федор Алексеевич, твое письмо не стало меня в Москве и переслано мне в Щелыково. Мы, сверх ожидания, доехали не только благополучно, но даже приятно. Погода была теплая, совсем летняя, мы ехали всю дорогу и переезжали Волгу в легком платье, — в Щелыкове застали все в цвету: черемухи, акации, сирени. Но с 15 числа начались холода с сильным северным ветром, а по ночам даже морозы до 4°. Теперь опять потеплело, и все благоухает; у меня на столе букет ландышей. Здоровье Марьи Васильевны понемногу поправляется.

Что Невежин не писал тебе, в этом нет ничего мудреного: он нездоров, у него, кроме сильных нервных болей (вследствие раны), открылась мучительнейшая болезнь седалищного нерва.

Я уж успел осмотреться, успокоиться и принимаюсь за работу, или, лучше сказать, за работы; их у меня много.

Поклонись от меня, жены Анне Дмитриевне.

Любящий тебя *А. Островский*.

771

И. М. КОНДРАТЬЕВУ

Щелыково, 23 июня 1881 г.

Многоуважаемый Иван Максимович,

Благодарю Вас за исполнение моей просьбы и за присылку мне печатных протоколов. Еще к Вам просьба; но так как Вы часто бываете в театре Петровского парка, то надеюсь, она Вас не затруднит. Сделайте одолжение, передайте при удобном случае прилагаемое письмо Модесту Ивановичу Писареву. Об этом театре я никаких известий не имею, и в